

верность старым обычаям или притвориться одним из сторонников Никона), Аввакум велит ему облечься «в платье» и таиться от властей.

Таким образом, реальные события биографии Аввакума, христианский контекст и, конечно, поэтика барокко органично переплелись в сознании автора, позволив писателю представить себя в современном ему хронотопе сильной и неординарной личностью, способной этому хронотопу противостоять.

Литература

Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1988. Т. 41. С. 302–316.

Морозов А. А. Национальное своеобразие и проблема стилей // Русская литература. 1967. № 3. С. 102–123.

Пустозерский сборник : Автографы сочинений Аввакума и Епифания / под ред. В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л. : Наука, 1975.

Ранчин А. М. Проблемы барокко и сочинения Аввакума // Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 188–193.

Рогов А. И. Проблемы славянского барокко // Славянское барокко : историко-культурные проблемы эпохи. М. : Наука, 1979. С. 3–12.

Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. В. В. Ошиса. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.

УДК 821.161.1-311.2(Толстой Л. Н.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

И.С. Панарина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА АННЫ КАРЕНИНОЙ: ОТ «ОТВРАТИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ» ДО «УСЫНОВЛЕННОЙ» ГЕРОИНИ

Аннотация. В данной статье рассматривается рождение и эволюция образа Анны Карениной – главной героини одноименного «романа из современной жизни» Л.Н. Толстого (1873-1877). На основе

изучения свидетельств современников, трудов исследователей подтверждается вывод о том, что в процессе работы Толстого над романом – от редакции к редакции – происходило постепенное и последовательное духовное возвышение образа героини – женщины с трагической судьбой, не сумевшей развязать «страшный узел» жизни. Толстой все дальше уходил от первоначального образа «отвратительной женщины», «каиновой самки», «усыновливая» свою героиню.

Ключевые слова: романы, литературные герои, образ женщины, художественное воплощение, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Главной задачей Л.Н. Толстого в 70-е годы становится изображение сложных взаимоотношений личности с обществом в условиях «переворотившейся» действительности. Толстой воссоздает в своем романе ситуацию утраты нравственных ориентиров в пореформенную эпоху, воссоздавая образы людей, «у которых идеал оскудел, которые ищут прекрасного образа мыслей и чувств и страдают среди этого искания» [Страхов 1984: 237]. Женщина в эту эпоху оказалась в центре внимания не только русского общества, но и литературы. «В русской литературе шестидесятых – семидесятых годов проблемы семейных отношений, эмансипации женщины, отношений между отцами и детьми занимают большое место», – пишет М.Б. Храпченко [Храпченко 1980: 172].

Заголовок романа, который менялся от варианта к варианту (окончательный вариант появился только в четвертом наброске), сразу же акцентирует внимание читателя на образе главной героини – Анне. О том, что в центре внимания Л.Н. Толстого была изначально женщина, свидетельствуют ранние варианты названий романа (в том числе, например, иронично-звучащий заголовок во втором наброске – «Молодец баба» [См.: Жданов, Зайденшнур 1970: 805]).

Известно воспоминание Л.Н. Толстого: «Это было так же, как теперь, после обеда, я лежал один на этом диване и курил. Задумался ли я очень или боролся с дремотою, не знаю, но только вдруг передо мною промелькнул обнаженный женский локоть изящной аристократической руки. Я невольно начал вглядываться в видение. Появились плечо, шея, и, наконец, целый образ

красивой женщины в бальном костюме, как бы просительно взглядывавшей в меня грустными глазами. Видение исчезло, но я уже не мог освободиться от его впечатления, оно преследовало меня и дни и ночи, и, чтобы избавиться от него, я должен был искать ему воплощения. Вот начало “Анны Карениной”» [Цит. по: там же: 816]. Как скажет С.А. Толстая, Толстой ждал «эту женщину», чтобы вокруг нее «сгруппировались» «все лица и мужские типы» [Толстая 1978: 497].

Прообразом героини, считают некоторые исследователи, стала некто Анна Пирогова, совершившая самоубийство, погибшая под колесами поезда, о чем было известно Толстому [См., напр., Гудзий 1939: 381]. Но, как вспоминает сын писателя Сергей Львович, «Толстой воспользовался лишь фактом самоубийства Пироговой. Ни по своему характеру, ни по наружности, ни по общественному положению она не была похожа на Анну Каренину» [Толстой С.Л. 1939: 568]. С.Л. Толстой сообщает также и о другом жизненном впечатлении отца, которое могло привести его к созданию образа Анны Карениной и сюжетной линии, связанной с ней: «Самый сюжет романа, относящийся к Анне, мог быть навеян историей Марии Алексеевны Дьяковой, бывшей замужем за Сергеем Михайловичем Сухотиным, покинувшей его и в 1868 г. вторично вышедшей замуж за С.А. Ладыженского» [Там же]. Об этом же факте, возможно повлиявшем на замысел «Анны Карениной», пишут и В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур: «Задолго до замысла “Анны Карениной” Толстой узнал о семейной драме своих близких знакомых: Мария Алексеевна Сухотина, сестра приятеля Толстого Д.А. Дьякова, разошлась со своим мужем и вторично вышла замуж» [Жданов, Зайденшнур 1970: 820].

Существуют свидетельства, согласно которым внешний облик главной героини мог быть навеян образом Марии Александровны Гартунг – дочери А.С. Пушкина, с которой Толстой познакомился в Туле на одном из приемов. О впечатлении, которое произвела на Толстого дочь великого поэта, вспоминает Т.А. Кузминская: «Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила

ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью» [Кузминская 1960: 170]. Воспоминание Кузминской подтверждает сын писателя – Сергей Львович: «Она (Мария Александровна – И.П.) была, подобно Анне Карениной на балу, в черном платье. О том, что М.А. Гартунг была в кружевном черном платье и что Л.Н. обратил внимание на завитки на ее затылке, я слышал также от моей матери» [Толстой С.Л. 1939: 568].

Б.М. Эйхенбаум, связывая рождение образа героини с тем впечатлением, которое произвела на него Мария Александровна Гартунг, продолжает: в черновом наброске главы VI второй части «Анны Карениной» «вместо фамилии Карениной мелькает даже фамилия Пушкиной; Аня или Анастасья Аркадьевна Пушкина – так названа Анна Каренина» [Эйхенбаум 1969: 179].

Н.К. Гудзий, изучая черновики романа, приходит к выводу: «Толстой первоначально хотел показать в нем (в романе – И.П.) судьбу “потерявшей себя” замужней женщины из высшего общества. Замысел этот был связан с вопросом о свободе чувства для женщины, ставшем на очередь дня особенно в пореформенную эпоху. Но чем дальше подвигалась работа над романом, тем все шире раздвигались его рамки, как это большей частью бывало у Толстого» [Гудзий 1960: 97]. Под пером Л.Н. Толстого, отмечает Э.Г. Бабаев, «все изменялось от варианта к варианту так, что возникновение целого оказывалось результатом “незримого усилия”, или вдохновения. Невозможно иногда угадать в первоначальных набросках тех героев, которых мы знаем по роману» [Бабаев 1982: 419].

Первоначальный облик будущей главной героини выглядел отнюдь не привлекательным: «Действительно, они (Каренин и Каренина – И.П.) были пара: он прилизанный, белый, пухлый и весь в морщинах; она некрасивая, с низким лбом, коротким, почти вздернутым носом и слишком толстая. Толстая так, что еще немного, и она стала бы уродлива. Если бы только не огромные черные ресницы, украшавшие ее серые глаза, черные огромные волосы, красившие лоб, и не стройность стана и грациозность движений, как у брата, и крошечные ручки и ножки, она была бы дурна» [Толстой 1939: 18]. «Внешность,

манеры» героини «не располагают к ней читателя, и разговоры об Анне в обществе закрепляют отрицательное впечатление. “Она дурно кончит”, “она дурно кончила” – говорят о женщине, в манерах которой проскальзывает вульгарность, а в одежде что-то “вызывающе дерзкое”» [Жданов, Зайденшнур 1970: 814]. В первоначальном наброске трудно разглядеть ту Анну Каренину, о которой сказал А.П. Чехов в письме к А. С. Суворину: «Как вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то все эти тургеневские барыни со своими соблазнительными плечами летят к черту» [Чехов 1952: 609].

Изначально фамилия супругов – Ставровичи, а не Каренины. Имя героини также сначала было не Анна, а Татьяна, которая «изображена эгоистическим лживым существом» [Храпченко 1980: 173]. В одном из набросков романа, Толстой называет «этот первоначальный образ» «отвратительной женщиной» [Толстой 1939: 5]. «Роман из современной жизни» задумывался именно как роман о «каиновой самке», которая нарушила все устои общества: «Героиня – неверная жена, жалкая, но не преступная. Она молода, полна неизрасходованных жизненных сил, страстно хочет любить и быть любимой» [Гудзий 1960: 98].

Затем во втором наброске романа Татьяна становится Наной (Анастасией) [Жданов, Зайденшнур 1970: 805]. Впервые имя «Анна» героиня получает только в четвертом варианте романа [Там же: 807]. И только после того, как имя героини утвердилось, появляется заглавие романа «Анна Каренина». По мнению Б.М. Храпченко, «превращение Татьяны Ставрович в Анну Каренину было не углублением образа, а созданием нового характера»: «...Вместо характера бездумной искательницы наслаждений на страницах романа возникает образ богато одаренной, яркой натуры. Скрытый огонь жизни, значительность духовного “я” – вот что угадывается уже при первом знакомстве с Анной» [Храпченко 1980: 183].

Давно замечено, что фамилия «Каренина» несет в себе особую смысловую нагрузку. Образ Анны в романе связан, прежде всего, со сферой эмоционального – с чувством страсти, желаниями, эмоциями. Но фамилия совершенно противоречит ее натуре. «Однажды, – он (Л.Н. Толстой – И.П.) сказал мне, –

вспоминает С.Л. Толстой, – “Каренон” – у Гомера – голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин”. Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин – головной человек, что в нем рассудок преобладает над сердцем, т.е. чувством?» [Толстой С.Л. 1939: 569]. Так, даже фамилия подчеркивает несходство Анны с мужем, ее противопоставленность той аристократической среде, к которой она принадлежит [См. об этом: Гудзий 1960: 99].

Общеизвестно свидетельство самого Толстого, что замысел романа возник под влиянием прочитанного им пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу...» [См., например: Жданов, Зайденшпур 1970: 803]. По мнению Э.Г. Бабаева, влияние Пушкина более значительно, чем это обычно представляется: «“Анна Каренина” – пушкинский роман Толстого, в самом глубоком значении этого слова (Пушкин “как будто разрешил все мои сомнения”). Поэтому было бы неверным сводить “влияние Пушкина” в “Анне Карениной” к одному только отрывку “Гости съезжались на дачу...”. Или даже только к одной прозе Пушкина. Ведь сюжет романа в известной мере связан и с пушкинским “романом в стихах”. Пушкин как бы подсказал Толстому форму современного свободного романа. В первоначальных набросках: героиню даже звали Татьяной» [Бабаев 1982: 421].

Сам Толстой не скрывал аналогий между Анной Карениной и Татьяной Лариной, но именно в композиционном смысле, в свободе героя и художника друг от друга, а не в характере или внешности. Так, знакомый Толстого В.А. Русанов, жалевший Каренину, погибшую под колесами поезда, и коривший писателя за жестокость, запомнил его слова: «Это мнение напоминает мне случай, бывший с Пушкиным. Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: “Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее”. То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще, герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы; они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется» [Русанов А., Русанов Г. 1972: 33]. По мнению Э.Г. Бабаева, Л.Н. Толстой поставил над Карениной некий психологический опыт: он

«предоставил своей героине полную свободу действий, позволил ей торжествовать над обстоятельствами, исподволь наблюдая за тем, как страсти уводят ее все дальше от того, к чему она стремилась» [Бабаев 1978: 26].

Помимо русских «предшественниц» Анны Карениной также называют Эмму Бовари Г. Флобера. Но то, что объединяет героинь, – чувство страсти, яркое, пронизывающее, – их и разъединяет. Как показывают сопоставительные исследования романов, толстовская героиня гораздо глубже, чем героиня французского писателя. Так считает, например, Б.М. Храпченко: Анна Каренина «натура духовно гораздо более широкая и богатая, чем флюберовская героиня. Дорожа истинным, чистым, Каренина не терпит лжи, лицемерия, так же как не хочет утешать себя иллюзиями» [Храпченко 1980: 195]. То же самое утверждает и А. Шульцева в статье «Госпожа Бовари и Анна Каренина», с полной очевидностью обнаруживая «моральное превосходство» Анны Карениной над Эммой [Цит. по: Григорьев 1970: 867]. Отличие Анны от Эммы М. Пуйманова видит в том, что «в “Мадам Бовари” зияет смерть и гибель, а в “Анне Карениной” пышет жизнь» [Цит. по: там же: 885].

В литературоведении отмечена также связь образа Анны с предшествующими героинями Толстого, в частности «Войны и мира», прежде всего с образом Наташи Ростовой. Но в то же время утверждается и безусловное отличие героинь: «Обе они – и Наташа, и Анна – стремятся к полноценному человеческому счастью. Но тогда как Наташа достигает его (как ей это представляется и как думает об этом Толстой), Анна погибает на пути к счастью» [Бурсов, Опульская 1956: 520]. О сходстве и отличии этих двух героинь писал и Б.М. Храпченко: «известные черты близости в восприятии мира у Анны Карениной и Наташи Ростовой несомненны», – в то же время отмечая, что свойственный обеим героиням «внутренний огонь жизни проявляется по-иному» [Храпченко 1980: 184].

Вместе с тем, справедливо суждение Э.Г. Бабаева: несмотря на сходство толстовской героини с женскими образами других авторов (Пушкина, Флобера) и даже самого Толстого, «характер Анны Карениной был новым для Толстого.

В «Войне и мире» не было ни одной героини подобного типа» [Бабаев 1978: 76]. «В «Анне Карениной», – утверждает Н.К. Гудзий, – Толстой, не повторяя себя, показал нам новые человеческие индивидуальности и проник в новые психологические глубины, им почти еще не затронутые или затронутые лишь мимоходом» [Гудзий 1960: 101]. Сказанное в первую очередь относится к образу Анны Карениной.

В противовес честной Анне в ее окружении существуют светские женщины – Бетси Тверская, мадам Шталь, Шильтон. Эти женщины не скрывают своих «незаконных» связей и при этом пользуются авторитетом в обществе. Анну же с Вронским связывает не просто интрижка, сам Вронский это понимает: «Если бы это была обыкновенная пошлая светская связь, они бы оставили меня в покое» [Толстой 1984: 203]. Толстой словно нарочно ставит свою героиню рядом с такими женщинами, чтобы Анна резко контрастировала с ними: «Она душевно богаче и тоньше их. И с нее взыскано строже» [Ранчин]. Характер Анны выражается в ее огромной любви сначала к Сереже, потом к Вронскому, а затем к самой себе. «Диалектика перехода чувства самоотверженной любви к другому в себялюбивую и эгоистическую страсть, сжимающую весь мир в одну сверкающую и доводящую до безумия точку, – пишет в этой связи Э.Г. Бабаев, – вот феноменология души Анны Карениной, раскрытая Толстым с шекспировской глубиной и силой» [Бабаев 1978: 62].

Л.Н. Толстой в лице Анны изобразил человека, отданного своим страстям, требующего и жаждущего личного счастья. Не случайно образ Анны сопровождают такие символы как железная дорога (и символ времени – «век шестует путем своим железным» (Е.А. Боратынский), и символ личной судьбы-пути героини), свеча (которая так или иначе догорит, погаснет), а также метель. Б.М. Эйхенбаум видел в метели олицетворение того чувства, которое связывает Анну и Вронского, – страсти: «Трактовка страсти как стихийной силы, как “поединка рокового”, и образ женщины, гибнущей в этом поединке – это основные мотивы “Анны Карениной” подготовлены лирикой Тютчева» [Эйхенбаум 1960: 181]. Трактовки образа метели как символа страсти придерживается и А.М. Ранчин: «Любовь Анны

к Вронскому – это не высокое чувство, в котором над физическим влечением преобладает духовное начало, а слепая и губительная страсть. Ее символ – яростная метель, во время которой происходит объяснение Анна и Вронского» [Ранчин].

Чешский писатель М. Кундера подчеркнул особую связь Анны с железной дорогой, которая отражается в композиционном плане: «Анна встречается с Вронским при странных обстоятельствах. Она на перроне, где только что кто-то попал под поезд. В конце романа бросается под поезд Анна. Эта симметрическая композиция, в которой возникает одинаковый мотив в начале и в конце романа, может ... показаться слишком “романной”. <...> Ведь могла же Анна покончить с собой каким-то иным способом! Но мотив вокзала и смерти, этот незабвенный мотив, связанный с рождением любви, притягивал ее своей мрачной красотой и в минуты отчаяния» [Кундера 2002: 66].

Итак, все исследователи отмечают последовательную духовную углубленность образа главной героини Анны Карениной и нарастание трагизма ее судьбы в процессе работы автора над романом – от черновиков до окончательного текста: «От редакции к редакции Толстой духовно обогащал свою героиню и нравственно возвышал ее, делал всё более привлекательной» [Бурсов, Опульская 1956: 520]; «В процессе работы над романом Толстой все более и более отходил от первоначальной обрисовки характера Анны и Каренина. Чем дальше, тем больше морально повышался и духовно обогащался образ Анны...» [Гудзий 1960: 99]. Менялось отношение самого Толстого к своей героине. Известна его фраза из письма А.А. Толстой (март 1876 г.): «... но не говорите мне про нее дурного... она все-таки усыновлена» [Толстой 2011: 329].

Однако, «при всех изменениях, внесенных Толстым в образ Анны Карениной», в нем до конца сохранились черты, о которых говорит С.А. Толстая в своем дневнике: Анна одновременно и “потерявшая себя”, и “не виноватая женщина”» [Бурсов, Опульская 1956: 520], так и не сумевшая развязать тот страшный «узел жизни», который обусловил неизбежность трагической развязки ее судьбы.

Литература

Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М. : Худож. лит., 1978.

Бабаев Э. Г. Комментарии. «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 9. «Анна Каренина». С. 417–448.

Бурсов Б. И., Опульская Л. Д. Л. Толстой // История русской литературы : в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 433–618.

Григорьев А. Л. Роман «Анна Каренина» за рубежом // Толстой Л.Н. Анна Каренина : роман в восьми частях. М. : Наука, 1970. С. 856–890.

Гудзий Н. К. Вступительная статья и примечания. Л.Н. Толстой «Анна Каренина». Неизданные тексты // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35–36. Л.Н. Толстой. С. 381–397.

Гудзий Н. К. Лев Толстой : Критико-биографический очерк. М. : Худож. лит., 1960.

Жданов В. А., Зайденинур Э. Е. История создания романа «Анна Каренина». Приложения // Толстой Л.Н. Анна Каренина : роман в восьми частях. М. : Наука, 1970. С. 803–833.

Жданов В. А., Зайденинур Э. Е. Текстологические пояснения // Толстой Л.Н. Анна Каренина : роман в восьми частях. М. : Наука, 1970. С. 834–855.

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной поляне : Воспоминания : в 3 ч. Тула : Тульск. кн. изд-во, 1960. Ч. 3. С. 170.

Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб. : Азбука-классика, 2002.

Ранчин А. М. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» : замысел, смысл эпиграфа и авторская позиция. URL: HYPERLINK <http://www.portal-slovo.ru/philology/43318.php> (дата обращения: 28.07.2017).

Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1972.

Страхов Н. Н. Взгляд на текущую литературу // Страхов Н.Н. Литературная критика. М. : Современник, 1984. С. 402–404.

Толстая С. А. Мои записи разные для справок // Толстая С.А. Дневники : в 2 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1 : 1862–1900.

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 9. Анна Каренина. Части пятая – восьмая. С. 7–417.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. Черновые редакции и варианты // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худож. лит., 1939. Т. 20. С. 3–570.

Толстой Л. Н. Письмо А.А. Толстой. Между 8 и 12 марта 1876 г. // Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857 – 1903). М. : Наука, 2011. С. 329.

Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» : Из воспоминаний // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37–38. Л. Н. Толстой. С. 566–590.

Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник // Храпченко М. Б. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 168–228.

Чехов А. П. Из письма А.С. Суворину, 24 февраля 1893 г. // Л.Н. Толстой в русской критике : Сб. ст. М. : Худож. лит., 1952. С. 609.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л. : Сов. писатель, 1960.

Эйхенбаум Б. М. Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б. О прозе : сб. ст. Л. : Худож. лит., 1969. С. 167–184.

УДК 821.161.1-311.2(Цветева М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

Е.Я. Джаббарова

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

АПОЛОГИЯ УЧИТЕЛЯ

(НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «КЕДР»)

Аннотация. В работе рассматривается статья Марины Цветаевой «Кедр», написанная автором в 1923 году, в эмиграции. Исчезновение былого мира влечет за собой необходимость искать наставника. Вследствие чего в прозе М. Цветаевой периода эмиграции